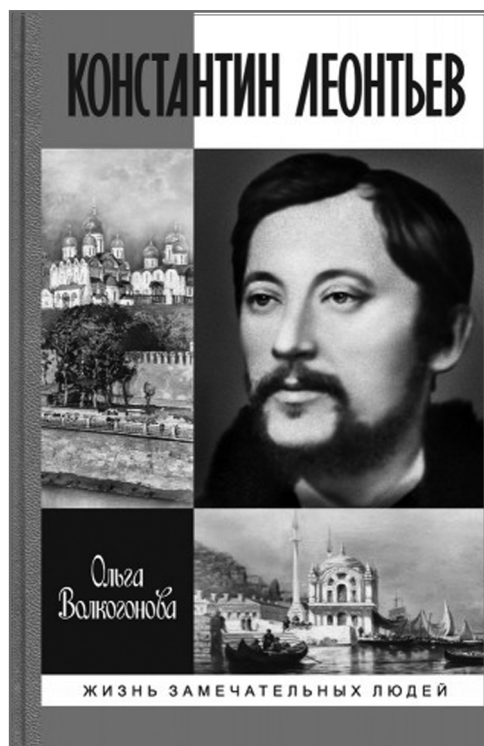

От врача и консула до инокса Климента

Профессор О.Д. Волкогонова, известный специалист по истории русской философии Серебряного века и послереволюционной эмиграции, сделала своей книгой долгожданный подарок любителям отечественной культуры. Но подарок получился горьким и тревожным, поскольку фигура Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891), человека на редкость талантливого, неординарного, самобытного, но не благостного, не ладившего с самим собой и своим временем, воплощает соблазны, ошибки, несбывшиеся надежды и трагедии того времени, да и к нашему имеет самое непосредственное отношение. При этом нельзя сказать, что загадка судьбы Леонтьева разгадана автором окончательно, а мораль ясна. Слишком простых ответов на мучительные вопросы, связанные с Константином Николаевичем, Волкогонова не дает, и правильно делает. Из богатейшего исторического материала, приведенного на страницах книги, каждый читатель сделает собственный вывод, но это будет нелегкая работа и нелегкий выбор оценки. (Проверено на себе.)

Жанр биографии располагает к соблудению хронологического порядка, и книга начинается с живописных картин жизни в родовом имении Кудиново в Калужской области (оно, к сожалению, не сохранилось, было продано за долги еще при жизни Леонтьева), с оценки влияния умной, властной и тонко чувствовавшей красоту Феодосии Петровны на сына. Именно по выбору матери он поступил на медицинский факультет Московского университета. Но карьера врача, кстати, довольно удачная, не привлекла Константина. В студенческие годы он начал писать прозу, его пер-

Ольга Волкогонова. Константин Леонтьев.
Серия «Жизнь замечательных людей».

М.: Молодая гвардия, 2013. 454 с.

вые опыты лестно оценил И.С. Тургенев и другие литераторы той поры, но публикации все откладывались по причине цензурных придирок. На склоне лет Леонтьев сам станет сотрудником Цензурного комитета, и таких поворотов на 180 градусов в судьбе мыслителя будет еще немало.

Молодой врач досрочно закончит курс и примет участие в Крымской войне 1853–1856 годов. Тогда же он «заболеет» Крымом и – шире – Востоком, многоцветной и пестрой культурой Черноморского бассейна. Это очарует его навсегда, после небольшой

русской интерлюдии он добьется командировки в Османскую империю, и лучшие его молодые годы пройдут на дипломатических должностях на Крите, в Константинополе, Эпире, Адрианополе... Прямая, полная контрастов и чувственных удовольствий восточная жизнь описывается Леонтьевым прежде всего с художественной точки зрения. Сам он всегда в центре живописного натюрморта: верхом или в повозке, среди красавиц и красавцев, ковров и фруктов, на дипломатических приемах или среди пострадавших от наводнения – такой молодец! Немного портят картину долги, коих он делает очень много, поскольку жалования сначала секретаря, а потом даже консула категорически не хватает на красивую жизнь. Самолюбование героя безмерно, а вот вникать в «механику» социально-экономических процессов в регионе Леонтьев не стремится. «Только однажды Леонтьев собрал статистический материал о вверенном ему регионе» в бытность русским консулом в Адрианополе (с. 167). И дело тут не в лени или гедонистических привычках.

Довольно рано для Константина Николаевича определяющей в оценке текущих социальных событий и перспектив мировой истории стала эстетическая точка зрения. Леонтьев формулирует свое кредо предельно ясно и в пику установкам своего времени. Он заявляет, что «красота важнее морали», что лучше живописное молодецкое зло, чем скучное и бесцветное добро, что «зло на просторе родит добро» и т. д. Позднее, с легкой руки В.В. Розанова Леонтьева окрестили «русским Ницше». Автор замечает, что, по справедливости, это Ницше надо звать «немецким Леонтьевым»: в XIX веке пальма первенства в эстетическом оправдании витальной силы и зла как ее проявления принадлежит русскому мыслителю. «То, что сильно, то и прекрасно», – считал молодой Леонтьев (см. с. 105). Уточню, что эстетическое он понимал предельно широко и распространял на все природные (физические) и социальные явления, но самое

удивительное, что эстетика жизни была не только для молодого дипломата, но и для уходящего из жизни инокa чрезвычайно важна, несмотря на, казалось бы, полную переоценку ценностей. Меня поразило свидетельство одного из «учеников» Константина Николаевича, что совсем незадолго до смерти Леонтьев попросил сменить шторы в своем номере гостиницы в Лавре и повесить вместо унылых и старых – новые, из голубой марли (!).

Идеализация национальной самобытности и социальной неоднородности (иерархичности), критика модели линейного прогресса, неприятие социального равенства проистекали из той же «самой широкой и самой точной» эстетической точки зрения. Вернувшись с Крымской войны, Леонтьев некоторое время исполнял обязанности домашнего врача в нижегородском имении баронессы фон Розен. Тогда-то он предложил «формулу красоты», которой придерживался до конца жизни: «красота есть единство в разнообразии». Согласно Леонтьеву, картина истории должна играть полутонами и деталями. На склоне лет, формулируя свои требования к обществу, он напишет, что государство «должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно», церковь – сильна, быт – «поэтичен» (см. с. 331). В этих сентенциях, а также в его делении жизни социального организма на этапы «первичной простоты», «цветущей сложности» и «вторичного упрощенчества» можно увидеть не только цивилизационный подход, который более определенно проявился в сочинении Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», а затем в знаменитом «Закате Европы» О. Шпенглера. Здесь проскальзывает намек на неокантианскую методологию исторического познания с его «отнесением к ценностям» и идеографическим методом. Но, в отличие от западноевропейских мыслителей, Леонтьев не дает себе труда четко определить понятия, построить внятную систему категорий. Интерпретировать «осторожную подвижность» или «пес-

троту» государства можно как угодно, тем более что никаких количественных параметров не задано. Это скорее художественный образ, риторический прием, который сильно воздействует на воображение читателя, но который невозможно подтвердить или опровергнуть как научный факт или определенную тенденцию.

По этой же эстетической причине Константин Николаевич невзлюбил буржуазную Европу, поскольку был уверен (с чужих слов), что там царит мещанство, упрощение и «собирабельная бездарность». Он считал, что Европа «осмелилась нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости». По этой же причине он не поддержал панславизм (объединение с южными славянами может представлять угрозу российской самобытности и объединению на основе православной веры с неславянскими народами). Даже жертвы и подвиги русской армии, которая помогла болгарам освободиться от турецкого ига, не впечатлили его (болгары посредственны и грубы в отличие от блистательной Оттоманской Порты).

Таким образом, Леонтьев занял крайние охранительные и консервативные позиции, считая, что гнилой либерализм обессилит государство и уничтожит культурную специфику и традиционную социальную иерархию в России. Во избежание этого Россию надо «подморозить». Понятно, что подобные взгляды на животрепещущие проблемы не имели поддержки, для многих были «нестерпимы», публицистические статьи Леонтьева общественность зачастую просто игнорировала. Его художественные произведения, самобытные и хорошо отделанные, удостаивались похвал профессионалов, включая самого Толстого, но на читающую публику ожидаемого впечатления не производили. Может, потому, что эта публика интуитивно чувствовала: во всех произведениях Леонтьева автору интересен только сам Леонтьев, которого он делал

под разными именами главным героем. Соперничество с Достоевским и Толстым Константин Николаевич проиграл.

Ну что ж, судьба уготовила ему победу на другом, самом сложном поприще: победу над собой, над своей гордыней, над своими светскими притязаниями. О.Д. Волкогонова отмечает, что биография Леонтьева как будто разрублена карающим мечом на две части – до и после тяжелой болезни (холеры?), от которой он чуть не умер. Больной выздоровел буквально через два дня после данного обета принять постриг в случае выздоровления. Случилось это еще во время пребывания на дипломатической работе в Салониках. Чудо исцеления положило начало тяжелейшей работе по переоценке жизненных приоритетов; главной краской второй половины жизни стал страх Божий, страх загробного наказания. Леонтьев всегда был человеком верующим, но теперь соблюдение всех канонов, постов, чтение молитв приобрело для него особое значение. В этом было и искупление прошлых грехов, и залог исполнения его надежд на спасение души, и одновременно личное усилие по поддержанию Русской православной церкви как объединяющего духовного начала. Константин Николаевич пытался принять монашество сразу после выздоровления в монастыре на Афоне. Но выполнить задуманное не удалось: от грубой монастырской пищи болел желудок, насильственная молитва не приносила мира душе. Он еще не был готов исполнить свой обет, и ему было отказано в постриге.

Таких попыток было несколько. Леонтьев с воодушевлением включался в монастырскую жизнь, но скоро утомлялся, заболел, отвлекался на семейные или общественные дела.

Эту многотрудную двадцатилетнюю работу со срывами, сомнениями и отступлениями О.Д. Волкогонова деликатно реконструировала по письмам, по свидетельствам близких Леонтьеву друзей и домочадцев, по его публичным высказываниям. Огромную поддержку на трудном пути Леонтьев получил от

оптинских старцев, особенно от о. Амвросия, который стал его духовником и в конце своей и Константина Николаевича жизни тайно постриг его в монахи под именем Климента. Приняв иночество, Константин Николаевич как будто исполнил свое жизненное предназначение, ему нечего стало делать на брэнной земле. Его творческая энергия угасала, здоровье становилось все хуже, и случайно-неслучайное воспаление легких поставило точку в конце этой полной противоречий и исканий трагической жизни.

Последней чертой этого биографического исследования, о которой мне хотелось бы сказать, является тактичное, но достаточно откровенное описание особенностей личной жизни К.Н. Леонтьева. Автор избегает пошлости, но вполне определенно рассказывает о его отношениях с Зинаидой Кононовой, племянницей Марией Леонтьевой, Людмилой Раевской и другими, о печальной судьбе супруги Елизаветы Павловны, упоминает о бисексуальности своего героя (латентной или актуальной – судить сегодня уже трудно). Фигура Леонтьева от этого не мельчает, напротив, становится более живой и достоверной,

а трудности на его пути к монашеству – более зримыми. Вообще, в этой книге много деталей, достоверных подробностей эпохи, интересных фактов, касающихся не только самого Леонтьева, но и его окружения. Мы узнаем, какого цвета были форменные платья воспитанниц Екатерининского института благородных девиц, какое первое впечатление произвел на Леонтьева Иван Тургенев и как строились отношения Константина Николаевича с его издателем Катковым, – всех щедро рассыпанных подробностей не перечислить. Но при этом не забыты и философские обобщения и леонтьевские предсказания будущего России, предсказания пессимистические и, к сожалению, сбывшиеся.

Книга с таким богатым и многоуровневым содержанием, безусловно, найдет своего читателя, а споры о теоретическом наследстве Константина Николаевича Леонтьева неизбежно разгорятся с новой силой, что позволит нам лучше понять самих себя и современную Россию.

Наталья Сидорова,
*кандидат философских наук,
доцент МГУ*